

## «Народное представительство» в воззрениях А. А. Кизеветтера

*Г. Н. Кочешков*

Статья посвящена проблеме «народного представительства» в идейных воззрениях российского историка А. А. Кизеветтера. Творческое наследие известного ученого позволяет проследить этапы становления «народного парламента» на протяжении всего XVIII века. Значительное внимание в статье уделено анализу законодательства Екатерины II.

**Ключевые слова:** народное представительство, законодательство, земство, дворянство, городская община, самоуправление, выборы.

### “Popular Representatives” in Views by A. A. Kizevetter

*G. N. Kocheshkov*

This article is devoted to the problem of the “popular representatives” in views of Russian historian A. A. Kizevetter. The creative heritage of the well-known scientist helps us to trace the stages of the formation of the “popular representatives” during the XVIII century. The significant place in the article is devoted to the legislation of Ekaterina II.

**Key words:** popular representatives, legislation, Zemstvo, nobility, city community, self-administration, election.

Одна из лучших работ ученого – магистерская диссертация «Посадская община России XVIII столетия» – посвящена «обществу градскому». Взявшись за данную тему, А. А. Кизеветтер намеревался «вспахать огромное и никем еще до него нетронутое поле» [4, с. 190]. Конечно, ученый создавал свой труд не на пустом месте. Его предшественники достаточно подробно изучили законодательные акты, касающиеся городского устройства; Кизеветтера же интересовали практические результаты «петровских нововведений» в устройстве русских городов, проведенных по иноземным образцам, и в какой мере эти нововведения не на бумаге, а в действительности видоизменили жизненный строй русского города» [4, с. 190].

Значительное внимание в своем исследовании А. Кизеветтер уделяет анализу социальной структуры посадских обществ. Если в период московского государства основанием для социальной дифференциации являлась разверстка тягла «по животам», то в петровскую эпоху, по мнению историка, разделение общества происходит не по имущественному, а по профессиональному признаку [5, с. 128].

По магистратскому регламенту 1721 г. посадское население городов было разделено на три группы: первую и вторую гильдии и «подлых людей». К первой гильдии относились банкиры, купцы, городские доктора, золотари, серебрянники, иконники, живописцы. Ко второй – мелкие торговцы, харчевники, разного рода ремесленники. К «подлым людям» – чернорабочие, «обретающиеся в наймах».

Вывод А. Кизеветтера о профессиональной стратификации городского населения не совсем верен. При объективном взгляде на суть предме-

та вполне очевидно, что разделение общества происходило в соответствии с имущественной состоятельностью его членов. Банкир – это не столько профессия, сколько свидетельство социального положения. Пойти в «чернорабочие» людей заставляла нужда, а не желание получить определенную профессию, к тому же далеко не столь престижную. Имущественная состоятельность граждан давала им определенные социальные привилегии. В регламенте 1721 г. говорится о допущении к магистратским должностям только первостатейных горожан [5, с. 128].

А. Кизеветтера чрезвычайно интересовали идеи муниципального самоуправления. Соглашаясь со своими оппонентами в том, что «верхний слой» посадского самоуправления (бурмистерская палата, ратуша, главный магистрат, земские избы) крайне бюрократизирован, ученый в то же время попытался встать на защиту низовых элементов самоуправленческих структур. «Не магистерский бургомистр или ратман, – утверждает А. Кизеветтер, – а посадский староста был настоящим представителем земского мира» [5, с. 620]. Магистраты сообщали посадскому миру все административные распоряжения через посадского старосту, который напрямую был связан с городским населением. Посадский сход проверял деятельность старосты и в случае злоупотреблений мог подвергнуть его наказанию, принимавшему иногда весьма внушительные формы, вплоть до «битья батогами перед всем миром» [5, с. 622].

Посадский мир представлял собой самоуправляющийся орган, включавший представителей мелких территориальных подразделений города – слободы и сотни. Последние избирали администрацию – старост, на которых возлагались сле-

дующие обязанности: «1) регистрировать слободских тяглецов и все изменения в составе населения слободы, 2) собирать подати с слободских тяглецов, 3) следить за недоимками, 4) созывать слободские сходы, 5) надзирать за воспитанием и обучением малолетних слободских сирот, 6) надзирать за описью оброчных статей» [5, с. 631].

Промежуточным звеном между слободскими учреждениями и посадским сходом являлась гильдейская организация, которой отводилось, как отмечал А. Кизеветтер, видное место в административных учреждениях города. «Лучшие», «первостатейные люди», имевшие гильдейский статус, играли главную роль на посадских сходах: их присутствие требовалось для открытия схода, их подписи под мирскими приговорами придавали неоспоримую силу данным решениям. Преобладающее значение «первостатейных», по точному замечанию А. Кизеветтера, являлось естественным следствием всего строя общинно-посадского мира. «Круговая порука, лежавшая в основе тяглого строя посадской общины, выдвигала первостатейных людей в качестве первых и главных ответчиков за мир и тем самым ставила их в положение главных активных руководителей мирскими делами» [5, с. 643].

Важнейшим элементом внутренней жизни посадской общины являлись выборы магистратских чиновников. Часто они превращались в орудие всевозможных злоупотреблений, дорого стоивших посадским жителям. В то же время А. Кизеветтер обращает внимание на ответственность самих членов общины, «приложивших руку» к избранию местного администратора. Эта ответственность, по свидетельству ученого, «была тем тяжелее, что она отнюдь не соединялась для ответчика с правом контроля над своим избранником в том случае, если он не оправдывал возлагавшихся на него надежд. Избиратели не могли сменять выбранных им лиц; все, что они могли, это бить челом у подлежащего начальства о позволении произвести новые выборы» [5, с. 659].

Такое своеобразное сочетание права членов общины участвовать в выборах с фактическим отсутствием возможности реального контроля над деятельностью «своего» депутата указывает на глубоко архаический характер посадского самоуправления. Законодательство о выборах было составлено таким образом, что позволяло высшим слоям посадского населения монополизировать не только пассивное, но и активное избирательное право: «губернаторам, вице-губернаторам и воеводам во всяком надлежит городе, бурмистров и первых мирских людей призвав,

предложить им... чтобы выбрали они к магистерскому делу между собою в президенты и бургомистры и ратманы из первостатейных добрых, пожиточных и умных людей» [5, с. 661-662]. Согласование порядка посадских выборов с фискальными интересами государства стояло на первом месте в глазах законодателя, о чем свидетельствует пункт 11-й именного указа от 28 июня 1721 г. Избирателям напоминают, что «за недоборы и всякие упущения со стороны выбранных лиц взыскание будет падать и на них» [5, с. 664].

А. Кизеветтер подробно изучил состав посадских служб и платежей местного населения, прямые и косвенные налоги, податную реформу, отметив при этом огромное количество злоупотреблений со стороны «первостатейных» людей, стремившихся переложить значительную часть государственных повинностей на плечи рядовых общинников: «Едва не во всех городах пожиточные налагают тяжкие платежи на неимущих без рассмотрения скудости их торговых промыслов и вопреки указам, предписывающим во всех поборах иметь уравнение по торгам, промыслам и пожиткам, на что от “убогих” было в городах многое прошение» [5, с. 615].

Отмечая тягловый, закрепощенный характер посадских общин XVIII столетия, А. Кизеветтер обращает внимание на те «зародыши стремлений к истинной автономии», для укрепления и широкого развития которых не хватало благоприятных условий. Рассматривая строй посадской общины в течение первых трех четвертей XVIII века, ученый делает вывод о том, что «крепостной характер ее к концу изучаемого периода медленно, но постепенно шел на убыль. Этот процесс и подготовил почву для коренной реформы муниципального строя, осуществленной в 80-х гг. XVIII ст.» [5, с. 798].

Логическим продолжением исследования А. Кизеветтера о социальном составе посадских обществ стала его докторская диссертация «Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария». Работая в петербургских архивах, историк обнаружил черновые наброски «Городового положения», что позволило ему детально проследить процесс постепенной выработки текста данного законодательного документа.

А. Кизеветтер отмечает ярко выраженную продворянскую направленность «Городового положения». Анализируя статьи, касающиеся личных прав мещан и устройства городской общины, ученый обнаруживает любопытный факт: в первоначальном варианте предполагалось предоставить городским жителям столь же широкие

права, что и дворянам. Однако при окончательной доработке текста эти новации были сочтены чрезмерными и опасными для дворянского общества.

А. Кизеветтер критикует Екатерину II за поспешность и небрежность при написании документа. Изучая социальную структуру русского города, ученый обнаруживает расплывчатость, нечеткость отдельных терминов. Мещане в «Городовом положении» характеризуются и как «городовые обыватели средней руки» и как горожане, имеющие состояние. В некоторых статьях вместо термина «мещане» фигурирует термин «граждане», что еще больше запутывает ситуацию. По мнению А. Кизеветтера, это не просто небрежность, а свидетельство отношения Екатерины II к социальным группам недворянского происхождения. Вывод ученого жесткий и прямолинейный: «или первоначально составу городского общества не предполагалось придать того всеобщего характера, который был намечен впоследствии, и общество градское рисовалось законодательно лишь как организация живущих в городе “среднего рода людей”, или термину “мещанство”... вообще был придан более обширный смысл всех вообще городских обывателей» [2, с. 35].

Реформаторской деятельности императрицы был посвящен и еще один труд А. Кизеветтера – «Из истории законодательства в России XVII–XIX вв.». Созыв Екатериной II Уложенной комиссии вызвал фурор в российском обществе. «Все стремились быть свидетелем этого необычного дела, – писал И. И. Дитятин. – Массы всякого люда чуть ли не с восхода солнца заполняли Кремль, особенно теснясь у Чудова монастыря и Успенского собора. Сюда попали лишь наиболее счастливые и усердные; остальные любопытные целым морем голов заливали весь длинный путь от стен Кремля до Головинского дворца, где остановилась... великая императрица. Часу в шестом, в исходе, густая толпа, теснившаяся ближе к дверям Чудова монастыря, раздалась, чтобы очистить дорогу участникам сегодняшнего торжества, ехавшим и шедшим в монастырь, назначенный соборным местом для них... Блестящие петербургские сановники сменялись невзрачными фигурами “черносошных пашенных крестьян”; за этими последними сановито выступала могучая фигура сына Сечи запорожской, гордо проходили родовитые дворяне; наивно смело всходили на крыльцо монастыря забавлявшие толпу своим чудным видом дикари далекого севера и Сибири, проехавшие чуть не бесконечный путь свой, в сущности, лишь с одной целью, – увидеть “бе-

лую царицу” [1, с. 3–4]. По мнению Дитятина, в июле 1767 г. было положено начало «великому делу» единения владычицы империи с ее многомилионным населением, которое было утрачено со времени созыва последнего Земского собора [1, с. 5].

Уложенная комиссия вобрала в себя почти 500 представителей от различных слоев российского общества. Екатерина II намеревалась придать работе законодательного собрания всеобщий характер. «В обряде выборов, – пишет А. Кизеветтер, – в первый раз... блеснула новая и совершенно чуждая как допетровской, так и петровской России идея о “градском обществе”, как о такой корпорации, которая обнимает своим личным составом всех постоянных обывателей города» [5, с. 222]. Однако и сами выборы, и практика составления наказов поставили под сомнение торжественно провозглашенную Екатериной II идею «всесоборности» Комиссии. А. Кизеветтер приводит многочисленные примеры сохранения старых, патриархальных традиций при выборе депутатов от городов. В Астрахани, Нежине, Костроме, Угличе и ряде других городов выбирали не одного депутата, как предписывалось законом, а пять и более. При этом каждый депутат снабжался «своим» самостоятельным наказом [5, с. 229–231].

Будучи страстным поборником идеи народного представительства, А. Кизеветтер нередко впадал в крайность, не соглашаясь с мнением оппонентов о том, что якобы все преобразования в России шли сверху и что общество не выдвигало из своей среды сколь-нибудь плодотворных мыслей, полезных для страны. Уже в самую раннюю пору существования московского царства, по утверждению ученого, участие земства в жизни общества и государства служило одной из основ государственного устройства России. История создания Соборного уложения 1649 г. убедительно доказывает, что «правительство Михаила и правительство Алексея широко воспользовались испытанными формами совместного сотрудничества правительства и общества», пригласив для обсуждения законодательного документа выборных людей, которые в ходе дискуссии проявили «самую кипучую деятельность» [3, с. 8]. Однако результаты работы так называемых «народных представителей» хорошо известны, с чем вынужден согласиться А. Кизеветтер: «Устами общественных представителей был утвержден тот самый строй, который сложился к половине XVI столетия силою естественных жизненных условий, – крепостная организация общества» [3, с. 13]. Этот вывод был сделан типичным предста-

вителем государственной школы в русской историографии.

Екатерининская Комиссия не создала нового Уложения, хотя при иных, более благоприятных для России условиях, возможно, результаты были бы более впечатляющими. Сама императрица так характеризовала значение этой акции: «Комиссия Уложения... подала мне свет и сведение о всей империи, с кем дело имеет и о чем пещись должно. Она в части закона собрала и разобрала по материям и более того бы сделала, ежели бы турецкая война не началась» [3, с. 26]. Позитивно оценивает деятельность Комиссии и А. Кизеветтер, отмечая вклад представителей земства в ее работу: «Комиссия явилась... и зеркалом, отразившим действительность, и ярким рефлектором, бросившим первый просвет в туманную даль будущего» [3, с. 27].

Законодательство Екатерины II было направлено на то, чтобы юридически закрепить и приспособить к старым основам русской государственности новые явления, возникшие в постпетровский период. За 50 лет в России произошли глубокие изменения: дворянство из разряда служилых людей перешло в слой привилегированных землевладельцев; усложнилась структура городского населения; выросла культура русского общества. Однако все попытки императрицы серьезно реформировать государственный строй России оказались малоэффективными. Подводя итоги деятельности Екатерины II, А. Кизеветтер резюмирует: «Подновлялся и перекрашивался фасад государственного здания, но все, прикрываемое этим фасадом, лишь в слабой степени затрагивалось видимыми переменами» [3, с. 283].

#### Библиографический список

1. Дитятин, И. И. Екатерининская комиссия 1767 г. «О сочинении проекта нового уложения» [Текст] / И. И. Дитятин. – Ростов н/Д : Донская Речь, 1905. – 358 с.
2. Кизеветтер, А. А. Городовое положение Екатерины II. Опыт исторического комментария [Текст] / А. А. Кизеветтер. – М. : Типография Императорского Московского Университета, 1908. – 473 с.
3. Кизеветтер, А. А. Из истории законодательства в России XVII–XIX вв. [Текст] / А. А. Кизеветтер. – Ростов н/Д : Донская Речь, 1904. – 42 с.
4. Кизеветтер, А. А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914 [Текст] / А. А. Кизеветтер. – М. : Искусство, 1997. – 396 с.
5. Кизеветтер, А. А. Посадская община в России XVIII ст. [Текст] / А. А. Кизеветтер. – М. : Университетская типография, 1903. – 810 с.
6. Кизеветтер, А. А. Русский город в XVIII ст. // Исторические очерки [Текст] / А. А. Кизеветтер. – М. : Тип. Скоропечатни А. А. Левенсон, 1912. – С. 209–283.